

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

**Мануильский
Максим**

Анатольевич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора журнала “Человек”, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: manuil'skiy@mail.ru

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ТЕРРОРИЗМА

© 2016

М.А. Мануильский

Терроризм по-прежнему остается одним из главных вызовов современности. Между тем отсутствует общепризнанное понимание данного феномена, что, по мнению многих политиков, представителей спецслужб, экспертов, затрудняет эффективное противодействие терроризму. Цель данной статьи — проанализировать возможные причины отсутствия единства в данном вопросе и попытаться предложить определение терроризма, которое бы прояснило некоторые его важные сущностные характеристики, связанные, прежде всего, с культурно-антропологической составляющей.

Первая причина лежит на поверхности — множество конкретных манифестаций терроризма. Любая террористическая акция сопровождается самопрезентацией ее организаторов/исполнителей, “взятием ответственности на себя” — от прокламаций народовольцев до роликов ИГИЛ в социальных сетях. Без соответствующих деклараций насильственные действия могут восприниматься обществом как банальное уголовное преступление, а это подрывает имидж террористов как борцов за идею и затрудняет решение главной задачи — устрашения людей, будь то представители правящей элиты, как в программе “изобретателя” народовольческого террора Николая Морозова, документах “Секретной вооруженной организации” во Франции и Алжире конца 1950-х—начала 1960-х годов или широчайшие массы аудитории СМИ, как у современных террористов¹.

Когда налицо хоть какие-то признаки терроризма, спецслужбы, правоохранители действуют согласно заранее выработанным инструкциям. Если поступает звонок, что в школе заложена бомба, то, скорее всего, это попытка сорвать контрольную по математике, и тогда задействуется один план. Если же поступает сигнал о захвате в той же школе заложников, реализуется иная программа действий. Другими словами, самоманифестация террористов в определенной мере демотивирует отвлеченное теоретизирование в этой области². Практика (реак-

¹ Смена “целевой аудитории” террористов — тоже во многом результат антропологических процессов, связанных с “восстанием масс” (в терминологии Ортеги-и-Гассета), но это — особая тема.

² Автор, разумеется, далек от мысли включать “розыгрыши” подростков в предметное поле анализа терроризма. Эта проблема требует специального рассмотрения.

ция на случившееся) здесь важнее любого академического спора о понятиях.

Второе важное обстоятельство связано с существованием государственного терроризма, то есть систематического неизбирательного или почти неизбирательного использования внесудебных или квазисудебных (а чаще — псевдосудебных) насильственных мер аппаратом государственной власти с целью того же устрашения населения³. Делается это институцией, которой “по определению” вменяется борьба с терроризмом. Чтобы отличать “государственный терроризм” от сходных действий “нелегитимных” организаций, его иногда называют не “терроризмом”, а “террором”.

Исследование этой стороны вопроса наталкивается на серьезные трудности. Дело даже не в опасении интеллектуальной элиты, что критика может не понравиться властям предрешающим. Главная проблема — как “теоретически” и нравственно совместить практику государственного неизбирательного насилия с императивом борьбы с терроризмом. Для России это особо чувствительная тема. Красный и белый террор⁴, репрессии 30–50-х годов [11], пресловутая 58 статья Уголовного кодекса РФ, предусматривавшая привлечение человека к ответственности за “терроризм”⁵, многочисленные жертвы среди мирных жителей Афганистана в результате целенаправленных обстрелов — все эти события неоднозначно оцениваются массовым сознанием, что неизбежно отражается на отношении к современным политическим реалиям.

Справедливости ради надо сказать, что существует опыт гражданского примирения даже после мощнейших всплесков “взаимного террора”. Опрос общественного мнения, проведенный спустя двести лет после Великой Французской революции, показал, что французы вняли-таки завету Наполеона, который, став Первым консулом, призвал страну покончить с противостоянием якобинцев и роялистов: ни красных колпаков, ни красных каблуков⁶. Спустя двести лет большинство французов считают, что пора перестать искать правых и виноватых в революции [12]. Следует также вспомнить и уникальный опыт послевоенной Германии с ее общенациональным покаянием и осознанием коллективной ответственности за преступление нацистского режима.

Вопрос о правомерности государственного насилия, в масштабах и формах граничащих с терроризмом, может быть задан многим странам: США (массовое уничтожение мирных жителей Вьетнама), Турции (геноцид армян), Демократической Кампучии (массовые репрессии во времена Пол Пота), Чили (репрессии в период диктатуры Пиночета), Украине (гибель мирных жителей в Донецкой и Луганской областях), некоторым странам Африки и др.

Проблема здесь не только в том, что нынешние власти должны признать прошлые преступления и осудить их. Не ме-

³ Здесь возможны и своего рода “переходные формы” вроде печально знаменитых “эскадронов смерти” или, более мягкие, но и более массовые практики, — действия групп активистов проправительственных организаций, чаще молодежных, осуществляемые при попустительстве или даже с одобрения правоохранительных органов.

⁴ По своим масштабам Белый террор не сравним с Красным террором, но он также имел “государственный” характер, поскольку санкционировался и оправдывался властями территорий, подконтрольных антибольшевистским силам.

⁵ 1 декабря 1934 года ЦИК СССР принял постановление о внесении изменений в действующую УПК республик, касающиеся дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, предусматривающие ускоренное (до десяти дней) рассмотрение подобных дел. В редакции УК РФ 1938 года содержалась ст. 58-8. “Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации”.

⁶ Красные каблук — символ аристократии, красные колпаки — символ санкюлотов.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Казнь
Максимильяна
Робеспьера.
28 июля 1794 года

нее важно осознать — где заканчивается насилие как необходимая функция государства и где начинается террор как попытка целенаправленно унижить, растоптать человека. Это осознание должно быть закреплено в четких и однозначных формулировках.

В целом же проблемы терроризма и борьбы с ним имеют солидную теоретическую базу. Тема начала разрабатываться еще в дореволюционной России, правда, главным образом, в лично-биографическом плане [5]. В советское время феномен исследовался, прежде всего, в связи с революционным движением. В силу идеологических причин даже в серьезных трудах образ террористов был овеян ореолом борцов за свободу [14]. В постсоветских источниках налицо уход от идеологических клише и стремление представить историю терроризма в России многопланово [1].

Три чеченские компании породили огромное количество публикаций, посвященных терроризму. Их число в ситуации усиления борьбы с международным терроризмом только нарастает [7; 8]. Ведущее место занимают исследования криминологического и уголовно-правового характера [2; 6; 16]. Это и понятно: терроризм является преступлением, а в более широком плане — разновидностью отклоняющегося поведения. При всей значимости такого подхода, наличии огромного количества продуктивных наработок надо отдавать себе отчет в том, что некоторые существенные моменты остаются “за кадром”. Уголовно-правовая сфера представляет собой тщательно регламентированную институцию. При анализе терроризма на него вольно или невольно накладывается “институциональная логика” (преобладание структурно-функциональных, статусно-ролевых схем, иерархических моделей, жестких причинно-следственных описаний и т.п.). Между тем по своей природе терроризм как

раз нацелен на разрушение существующих институтов. Говоря философским языком, он стремится упразднить традиционную рациональность и утвердить новый порядок вещей.

Исторический опыт свидетельствует, что “новый порядок”, следующий за разрушением устоев, анархистской вольницей нередко оборачивается тоталитарным режимом. Но в данном случае важно подчеркнуть: в своем зарождении терроризм внеинституционален и потому наиболее продуктивным представляется культурно-антропологический и экзистенциалистский взгляд на проблему. Такой подход акцентирует внимание на *имманентных* факторах жизнедеятельности субъекта, на проявлении человеческой природы. Этой стороне дела в литературе пока не уделяется должного внимания. Достаточно хорошо исследована проблема психологических механизмов терроризма [15]. Что касается глубинных побудительных причин, то здесь нельзя пройти мимо работ Ханны Арендт, в частности, ее концепции “банальности зла” [3]. Это очень убедительное исследование, однако на его основе трудно объяснить один важный момент — фанатизм и радикализм террористов. Существенный эвристический потенциал содержит идея повреждения человеческой природы. В христианстве оно связывается с грехопадением человека. Есть и светская/художественная версия — “бесовщина”, “подпольный человек” (Ф. Достоевский). Обозначенный сюжет разрабатывается отечественными философами и культурологами [4;10]. В рамках культурно-антропологической парадигмы выполнена и данная работа.

В действующем Уголовном кодексе России терроризм определяется следующим образом (ст. 205): “Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях”. Ответственность — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет⁷. Нетрудно заметить, что приведенная формулировка строится на *перечислении* террористических действий.

Основополагающим документом в борьбе с терроризмом, в том числе с международным, является резолюция № 1373 от 28 сентября 2001 года. В резолюции подчеркивается, что: методы и практика терроризма противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций; терроризм — серьезный вызов и угроза международной безопасности. Отмечается тесная связь международного терроризма и транснациональной организованной преступности, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, с незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов.

⁷ Национальное законодательство в этой области, как и ведомственные регламенты постоянно модернизируются; одна из последних новаций — принятый Государственной думой и одобренный Президентом “пакет Яровой”, призванный ужесточить контроль в сфере мобильной связи.

В резолюции содержится призыв обеспечить привлечение любого лица, принимающего участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов к судебной ответственности.

Предлагается обмениваться информацией в соответствии с международным правом и внутригосударственным законодательством и сотрудничать в административных и судебных вопросах в целях предотвращения совершения террористических актов и т.д.

Данный текст — при всей его важности и обстоятельности — также имеет дескриптивный характер и не содержит аналитического определения терроризма.

Аналогичная ситуация и в собственно теоретических построениях. Приведу два взятых наугад из Интернета определения. *Терроризм* — политика, основанная на систематическом применении террора; *терроризм* — политика и тактика террора, то есть совокупность особо жестких форм и средств политического насилия. Эти, как и большинство предлагаемых определений, имеют два серьезных недостатка: во-первых, налицо удвоение сущности — феномен характеризуется через явление (насилие), само требующее объяснения; во-вторых, внимание акцентируется на особой жестокости действий террористов. Между тем история, к сожалению, содержит множество античеловечных поступков массовых насильственных действий, не имеющих отношения к терроризму.

По мнению автора, *терроризм — действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка, декларируемого идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего психологическое, моральное и физическое насилие, имеющее конкретно-не-избирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди.*

Несколько важных пояснений. Главной целью терроризма/террористов является устрашение других людей, подчинение их воли, ограничение способности к самостоятельной продуктивной деятельности, то есть, в конечном счете, подавление их *человеческой природы*. Терроризм выступает результирующей нескольких факторов — психологических, политических, социально-экономических, религиозных, этнических. Каждый из них может стать пусковым механизмом террора. Но в основе терроризма лежит деформация человеческой природы самих террористов и попытка растоптать, подавить человеческую природу как можно большего числа людей. Сковать человеческую свободу, стереть в сознании людей границы между добром и злом, жизнью и смертью — главная задача террористов. По-путню заметим, что установление тесной эмоциональной связи

Убийство Авраама
Линкольна.
Литография. 1865

между террористами и заложниками (так называемый Стокгольмский синдром) также можно тоже рассматривать как стирание границ между добром и злом.

Само по себе насилие, как уже отмечалось, не является исключительным признаком терроризма — оно существует столько, сколько существует общество. В литературе нередко высказывается мнение, что терроризм представляет собой “нелегитимное насилие”, “безадресное насилие”, “насилие, выходящее за рамки правового поля”, “особо жестокое”, “бессмысленное” и т.п. Все эти атрибуты действительно имеют место. Но поскольку речь идет о подавлении воли, деформации человеческой природы, наибольшее воздействие на людей оказывает использование методов и средств, выходящих за рамки культуры данного сообщества, демонстративно противостоящих ей. Избиение младенцев по приказу царя Ирода считалось во все времена варварским актом, а “выбраковывание” физически неполноценных младенцев воспринималось жителями древней Спарты как норма. Убийство “кровника” в этнических группах, придерживающихся закона “кровной мести”, не приведет соплеменников в ужас, но превращение горного села в груды камней с помощью установки “Град” надолго оставит в сознании народа травмирующую память.

Ощущение ужаса, вызываемого тотальным, ничем не ограниченным насилием, можно сравнить с чувствами, которые пытался передать Константин Симонов в стихотворении, написанном к очередной годовщине начала Великой Отечественной войны:

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верить, что живы.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Покушение
Дмитрия
Каракозова на
императора
Александра II.
Рисунок. 1866

Придание насилию легитимного статуса, естественно, снижает сопротивление ему и переводит насилие в представлениях людей из события экстраординарного в разряд не очень приятной, но повседневности. Подчеркнем еще раз: терроризм — *радикальный* способ разрешения конфликтов⁸. Мера этого радикализма определяется степенью несоответствия используемых методов допустимым для данного сообщества способам выхода из конфликтных ситуаций. Именно вызывающе-демонстративное применение насилия порождает у людей (в том числе, властей) ужас, парализует их волю, приводит в состояние ступора.

Другая отличительная черта терроризма — конкретно-неизбирательный характер насилия. Проще говоря, главным его объектом и жертвами выступают случайные люди. История терроризма содержит немало фактов целенаправленного выбора “объектов”. Планомерное гильотинирование якобинцами представителей аристократии (а затем и самих якобинцев); прицельная охота боевой группы эсеров на царских сановников; захват палестинскими террористами израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 года... Список можно продолжить. Но в этих и подобных случаях жертвы определялись из соображений достижения желаемого эффекта, а, не исходя из личностных или каких-либо иных качеств людей, попавших под каток терроризма. Если угодно, идеология (идея) для террориста — все, жертва — ничто.

Конкретно-неизбирательное насилие присуще также войне, то есть санкционированным легитимными властями насильственным действиям. В чем отличие военного насилия от террористического? Во-первых, речь идет об институционализированном насилии, то есть о действиях властных структур, организованных с определенных целями и задачами, оправданными

⁸ В данном случае за скобками остается чрезвычайно важная тема — типология конфликтов. Так, пусковым механизмом действий террористов-одиночек, как правило, является внутрличностный конфликт.

в правовом, юридическом и морально-нравственном отношениях⁹. Во-вторых, действия военнослужащих детерминируются внешним для индивида принуждением — боевыми задачами, соответствующими приказами командования. Немаловажную роль играет присяга военнослужащего, причем, поскольку последняя — социально одобряемый акт, невыполнение приказа считается менее тяжким преступлением, чем нарушение присяги.

Исторический опыт свидетельствует: военные действия сопровождаются множеством варварских акций. Но в основе конкретно-не-избирательного насилия военнослужащих лежит логика решения военно-политических задач, а не идея насилия ради насилия.

По характеру насилия терроризм отличается и от криминальных преступлений. В последнем случае насилие имеет конкретно-избирательный характер, хотя жертвами преступников могут и часто бывают случайные люди. Криминальные преступления носят мотивационно-адресную направленность: обогащение путем “экспроприации” имущества конкретных лиц и организаций, межличностный конфликт (ревность, месть, личная неприязнь), культурно-мировоззренческое противостояние (соперничество футбольных фанатов, межконфессиональные конфликты на бытовой почве, внутриселенческое столкновение “своих” — “чужих”, межрегиональный конфликт коренных жителей с мигрантами), религиозные распри (борьба между приверженцами “истинного” понимания верования и “еретиками”). Во всех этих и подобных случаях у насилия есть *конкретный* адресат (пусть и обезличенный), а возможные жертвы среди оказавшихся поблизости людей являются случайными.

Одно из основополагающих свойств человеческой природы — способность продуцировать смыслы, рефлексировать по поводу предельных оснований своего бытия. Эта тема подробно развита В.С. Степиным в его теории культуры как системы надбиологических программ [9]. Среди соответствующих конструктов первостепенная роль принадлежит представлениям о жизни и смерти, добре и зле. Эти экзистенциально-мировоззренческие константы образуют матрицу любых человеческих действий — даже если действия не требуют непосредственного обращения к упомянутым конструктам. Любой человеческий поступок, предполагающий выбор, в конечном счете, сталкивается с дилеммами “жизнь и смерть”, “добро и зло”. Разумеется, повседневность состоит из рутинных поступков, не предполагающих экзистенциального выбора. Но это только поверхностный слой. Уже, казалось бы, простой житейский вопрос — покупать ли дешевые генно-модифицированные продукты или экологически чистые, но дорогие? — заставляет человека выстраивать иерархию ценностей.

В чем причина деформации человеческой природы террористов, выражающаяся в стирании границ между добром и злом,

⁹ Террористические силы, пришедшие к власти, также легитимизируют практикуемое ими насилие. Но это тема отдельного разговора.

Покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево 28 июля 1914 года. Рисунок

между жизнью и смертью? Почему ради достижения поставленных целей допустимо пренебрегать человеческими жизнями? Разве вдохновители и исполнители якобинского террора не руководствовались идеалами Свободы, Равенства, Братства (то есть не выступали на стороне Добра?). Довольно часто объяснить ситуацию пытаются следующим образом: цели, де, благородные, но вот средства их достижения по недомыслию или в силу обстоятельств оказались не те. Эта легенда выглядит правдоподобной до тех пор, пока перед человеком не поставлен конкретный вопрос — ты на стороне палачей или на стороне жертв? Другое объяснение носит романтически-утопический характер и пытается представить возможное зло как некий сопутствующий фактор в общем процессе утверждения добра. Эта позиция представлена знаменитыми словами из “Фауста”: “Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”. Контраргумент также позаимствуем из области искусства: “Поверьте историку: осчастливить против желания нельзя” — мудро заключил один из главных героев фильма “Покровские ворота”.

Наиболее распространено объяснение — добро и зло в силу каких-то причин поменялись местами. Например, один из главных вдохновителей якобинского террора — Марат — неожиданно становится Другом народа. И народ долго с этим соглашался.

Смена системы ценностных ориентаций, перекодировка каких-то идеологем с плюса на минус и обратно встречается довольно часто, особенно, если изменению предшествовала мощная идеологическая компания. Однако, по нашему мнению, кардинально поменять местами добро и зло, а уж тем более, жизнь и смерть невозможно. Это абсолютные константы. Можно попытаться лишить их универсальности и локализовать (теоретически или на практике) в каком-то элементе жизненного мира — социально-классовой структуре, национальной, конфессиональной идентичности и т.д. Соответственно, возникает соблазн или осознанная установка представить этот элемент жизненного пространства *единственным* полем борьбы добра и зла, жизни и смерти или в более понятных простым людям терминах “истины” и “лжи”, “справедливости” и “несправедливости”, “своих” и “чужих”.

Подобные перекалибровка, “скукоживание” универсалий и представляет собой деформацию человеческой природы. Кстати, их уплощение выступает одним из источников радикализма — ведь универсальное содержание необходимо втиснуть в новые, более узкие рамки. Близкую точку зрения в свое время высказал Макс Шелер: «“Зло” начинается с сознательного *раскрепощения* импульсов влечений и самих влечений (*non non fiat*), которые с очевидной вероятностью реализуют низшие (по модальности) блага вместо высших» [цит. по: 9].

Признаки деформации человеческой природы можно усмотреть в действиях террористов-наемников и шахидов. Однако война за деньги, действия террористов-смертников — это отдельные темы.

Предлагаемые заметки носят идеально-типический (в веберовском смысле) характер. Автор рассматривает изложенные выше соображения как программу дальнейших исследований в контексте современных теории и практики борьбы с терроризмом.

Литература

1. *Агеджян Э.М.* Историко-правовой анализ терроризма в России как негативного социального явления // Молодой ученый. 2014. № 3.
2. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998.
3. *Арендт Х.* Банальность Зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
4. *Бачинин В.А.* Старорусский бунт 1831 года, “рессентимент” М. Шелера и “подполье” Ф. Достоевского // Человек. 2011. № 4.
5. *Брешко-Брешковская Е.К.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.
6. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
7. “Исламское государство”: сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общ. Ред. Я.А. Амелиной и А.Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015.
8. *Кожушко Е.П.* Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000.
9. *Малинкин А.Н.* Любовь и радость в философии Макса Шелера // Человек. 2016. № 4.
10. *Могильнер М.* Мифология подпольного человека. Радикальный микрокосм России в начале XX века как предмет симеотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
11. Реабилитация. Политические процессы. 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат. 1991.
12. *Согомонов А.Ю.* “День гнева... день скорби”. Рессентимент и ригоризм сегодня // Человек. 1991. № 4.
13. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
14. *Троицкий Н.А.* “Народная воля” перед царским судом. 2-е изд., доп. Саратов, 1983.
15. *Эфиоров С.А.* Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 2005. № 5.
16. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика М.: Юрлитинформ, 2002.